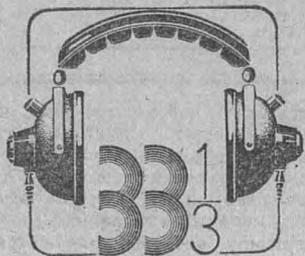

«Со мной была гитара...»

На днях в Москву прибывает известный французский композитор и певец **Джо ДАССЕН**. Накануне вылета в Советский Союз с ним встретился наш корреспондент во Франции **А. Сабов**.

Одна из самых популярных песен Джо Дассена «Елисейские поля» прозвучала в его исполнении со сцены, в записях по радио и телевидению уже... 25 тысяч раз. Не знаю, каким способом его импресарио Пьер Люмброзо высчитал эту невероятную цифру, но, очевидно, она обоснованна.

Мелодия Дассена навсильвают парни на бензоколонках, их слышишь в магазинах, в кинотеатрах перед началом сеанса, они встречают тебя и догоняют повсюду. И все-таки, готовясь к встрече с певцом, я предварительно перелистал многолетнее досье из газетных и журнальных рецензий и не могу не согласиться с суждением, которое высказал однажды музыкальный критик Кристиан Бекс: «Это наименее известный из наших знаменитых певцов». Да, Джо Дассен редко дает интервью, про себя он рассказывает, тщательно избегая говорить о «личном», держится вдали от столицы, от шумных толп своих поклонников.

Час блуждал я по лесным дорогам под Парижем, руководствуясь продиктованным по телефону напутствием: «На четвертом перекрестке поверните вправо и проедете полтора километра, потом налево...» Несмотря ни на что, я доехал.

— ...Только что вышед-

шая пластинка «Уже пятнадцать лет», вероятно, последняя в Вашей фонотеке?

— Да. Я пою уже пятнадцать лет. С этим и связано ее название. Если хотите, юбилейная пластинка.

— Вас ждет сюрприз: еще одна пластинка к юбилею. Ее готовит к выпуску в Советском Союзе фирма «Мелодия».

— Что вы говорите? Нет, серьезно? Простите, что я волнуюсь. Для меня это в самом деле очень неожиданно и очень приятно. Я впервые еду в Советский Союз и считал, что меня там совершенно не знают...

— В первый раз Вы оставили США в 11—12 лет. При каких обстоятельствах? Почему?

— То были годы «холодной войны». В Америке началась «охота на ведьм». Разгул маккартизма, вы знаете. Эмигрантам и коммунистам стало трудно. Мы уехали в Европу. Отец делал фильмы, он кинорежиссер. Одна из его лент на Каннском кинофестивале 1955 года получила премию за постановку. Мы переезжали, переезжали... Мелькали страны, менялись школы, чередовались языки. Когда мне исполнилось 17, я поехал в Америку учиться и получил диплом этнолога. Пока учился, работал и мойщиком посуды, и водителем грузови-

ков, и слесарем-водопроводчиком, и мусорщиком...

— ...и певцом. Ведь Вы начали петь в студенческом кругу...

— Я вернулся на родину с французской гитарой в руках, без гроша в кармане. В Европе я заразился «вирусом французской песни». Ошеломил Жорж Брассанс. Я знал его наизусть. Получив диплом, решил поехать на родину Брассанса, чтобы «заболеть» до конца. Чудом я напел свой первый диск — всякую всячину, которую называл «Просто американский фольклор». Пластинка получилась очень плохой, я... прятался от всех. В жизни обязательно нужно хотя бы один раз испытать настоящее поражение, чтобы закалить свою волю для настоящей победы. Если бы не тот мой первый провал, я, может, никогда не стал бы певцом.

— Какая первая песня принесла успех?

— Она называлась «Бип-Бип». Потом были «Для чего?», «Дальтон», «Свистеть на холме» и так далее. Наконец, «Елисейские поля».

— Как шансонье, Вы...

— Это неточно. Что такое шансонье? Это чисто французское словечко собирает воедино три понятия: поэт — композитор — певец. Таков Жорж Брассанс, таков Жак Брель, Шарль Азнавур. Я же только композитор и певец.

И очень редко соавтор текста. Слова моих песен написаны в основном Клодом Лемеслем и Пьером Деланоз.

— Да, но в них очень много Вашего личного. Начиная со слов... Позвольте напомнить Ваши воспоминания, с которыми Вы поделились однажды: «Мы шли по пляжу, была осень, стояла чудная погода. Такую осень увидишь только в Северной Америке. Там ее зовут Индейское лето...» Ваше «Индейское лето» распевает теперь полмира. Каким же образом Вы сумели вдохновить Клода и Пьера на такие слова?

— Не знаю. Сам не знаю. И они не знают. Мелодия уже звучала у меня в голове, сложился ритм... Наверное, потому они находят слова, что понимают меня с полуслова. Простите, каламбур случайный. Моя группа за 15 лет почти не изменилась. Мы «поем» вместе.

— Сколько песен Вы сочиняете в год?

— Не более 10—15. Но, включая гастроль, это означает работу по 10—12 часов в день. Мы живем на сцене и в дороге. Полторы сотни концертов в год — это большая нагрузка для всех. Я думаю постепенно сокращать свои выступления, но ни в коем случае не оставлять дела.

— Критики упрекали Вас за иные песни...

— Да-да. Выразитесь прямо, как они: за их «пустоту».

— Увы, именно это слово.

— Не может быть все одинаково удачно, с годами и я стал морщиться от некоторых своих старых песен. Но вопрос тут шире: что есть песня, зачем она? Я иногда намеренно дразню гусей, говоря, что песня — это мыльный пузырь: летает, сверкает, радует глаз — ну, и достаточно! Но когда мне говорят, что песня, создающая настроение, лишена всякой социальной роли... Извините! Тут я из одного чувства protesta напишу следующую. Человек в нашем обществе одинок. Это трагедия и человека, и общества. Его нужно подбодрить. Нужно дать ему возможность вспомнить светлые минуты своей жизни, надеяться на новые. Вот за чем я пою. Я никому не навязываю своей точки зрения, в том числе и вам, но пусть меня поймут: я же певец этого и никакого другого стиля.

— Что Вы ждете от Вашего первого визита в Советский Союз?

— Жаль, что он так короток и контакта со зрительным залом у меня на сей раз не будет, поскольку предстоит выступить только по телевидению. Однако я с радостью приеду снова...

15 ИЮНЬ 1974

МОСКВА